Ги де Мопассан

Камий Гарош

ТРИ ИСТОРИИ С ПРИВИДЕНИЯМИ

METAMORPHOSES

Три истории с привидениями
Ги де Мопассан

Аннотация
Ги де Мопассан. Три истории с привидениями
Видение
Тик
Мертвая
Биографии и библиографии
  Ги де Мопассан
  Камий Гарош
  В ателье Камий

Аннотация

«Три истории с привидениями» – это три фантастических новеллы Гиде Мопассана, выбранные и проиллюстрированные Камий Гарош, настоящим мастером работы с бумагой.

«Видение» рассказывает странную историю, которая произошла с маркизом де ла Тур-Самюэлем, когда ему было за двадцать, и которая с тех пор преследует его…

«Тик» – это история отца, страдающего необычным тиком и скрывающего таинственные причины, побуждающие его дочь носить перчатку на левой руке…

Наконец, «Мертвая» погружает нас в воспоминания рассказчика, оказавшегося ночью на могиле своей возлюбленной…

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Ги де Мопассан
Три истории с привидениями

Trois contes de fantômes by Camille Garoche
@ Editions Soleil, 2019
ln the Metamorphose collection directed by Barbara Canepa and Clotilde Vu
© Э. Верно, перевод на русский язык, 2023
© Издание на русском языке, оформление. ООО Издательство «Омега-Л», 2023

Видение[1]

Под конец дружеской вечеринки в старинном особняке на улице Гренель разговор зашел о наложении секвестра на имущество в связи с одним недавним процессом. У каждого нашлась своя история, и каждый уверял, что она вполне правдива.

Старый маркиз де ла Тур-Самюэль, восьмидесяти двух лет, встал, подошел к камину, облокотился на него и начал своим несколько дребезжащим голосом:

— Я тоже знаю одно странное происшествие, до такой степени странное, что оно преследует меня

---

[1] Примечания: 1

Рассказ вышел в газете Le Gaulois от 4 апреля 1883 года, вошел в сборник «Лунный свет» (Париж, изд-во Monnier, 1884, два издания, ин-кварто и ин-октаво; Париж, изд-во Ollendorf, 1988) и был выпущен в приложении к газете La Lanterne от 26 мая 1889 года, в журнале Le Voleur от 27 августа 1891 года, в La Vie de famille от 30 августа 1891 года с подзаголовком «Новелла», в Политических и литературных анналах от 20 декабря 1891 года в рубрике «Забытые страницы», где ему предшествовала следующая заметка:

«На этой неделе прошли тревожные слухи о здоровье г-на Ги де Мопассана. К счастью, они были опровергнуты. Одна из газет заявляла, что великого писателя, который перенес несколько нервных припадков, совсем недавно поместили в лечебницу. Это совсем не так… Г-н де Мопассан находится в данный момент в Каннах, где продолжает работать над своими произведениями… По правде говоря, г-н де Мопассан одарен мощным воображением; не испытывая отвращения к оккультным

наукам, он находит достаточное удовольствие в обращении к миру фантастики и неизведанного. Представленная далее новелла, которую мы взяли из одного из его последних сборников, освещает именно этот аспект его дара. Даже у Эдгара По не получилось написать что-либо настолько волнующее». (Поскольку очевидно, что Мопассан не видел корректуру этой публикации, мы не будем принимать ее в расчет.) Наш текст взят из «Лунного света» (1888). Сама история найдена в одном из «Парижских писем» Жюля Леконта, опубликованном в ежедневной газете L'Indépendance belge от 17 января 1852 года.

всю жизнь. Тому минуло уже пятьдесят шесть лет, но не проходит и месяца, чтобы я не видел его во сне. С того дня во мне остался какой-то след, какой-то отпечаток страха. Поймете ли вы меня? Да, в течение десяти минут я пережил смертельный ужас, оставшийся в моей душе навсегда. При неожиданном шуме дрожь проникает мне в самое сердце; если в темноте сумерек я неясно различаю предметы, меня охватывает безумное желание бежать. И наконец, я боюсь ночи.

О, я никогда бы не сознался в этом, если бы не был в таком возрасте! Теперь же я во всем могу признаться. В восемьдесят два года позволительно не быть храбрым перед воображаемыми опасностями. Перед реальной опасностью я никогда не отступал, сударыни.

Эта история до такой степени все во мне перевернула, вселила в меня такую глубокую, такую необычайную и таинственную тревогу, что я никогда о ней даже не говорил. Я хранил ее в тайниках моего существа, там, где прячут все мучительные позорные тайны, все слабости, в которых мы не смеем признаться.

Я расскажу вам это приключение так, как оно случилось, не пытаясь объяснить его. Конечно, объяснение существует, если только я попросту

не сошел на время с ума. Но нет, сумасшедшим я не был и докажу вам это. Думайте что хотите. Вот голые факты.

Это было в июле 1827 года. Я служил в руанском гарнизоне.

Однажды, гуляя по набережной, я встретил, как мне показалось, своего знакомого, но не мог вспомнить, кто он. Инстинктивно я сделал движение, чтобы остановиться. Незнакомец, заметив это, посмотрел на меня и кинулся мне в объятия.

Это был друг моей юности, которого я очень любил. В течение пяти лет, что мы не виделись, он словно постарел на пятьдесят лет. Волосы у него были совершенно седые, он шел сгорбившись, как больной. Увидев, как я удивлен, он рассказал мне свою жизнь. Его сломило страшное несчастье.

Влюбившись до безумия в одну девушку, он женился на ней в каком-то экстазе счастья. После года сверхчеловеческого блаженства и неугасающей страсти она вдруг умерла от болезни сердца, убитая, несомненно, такой любовью.

Он покинул свой замок в самый день похорон и переехал в руанский особняк. Здесь он жил в одиночестве, в отчаянии, снедаемый горем и чувствуя себя таким несчастным, что думал только о самоубийстве.

— Так как я встретил тебя, — сказал он, — то попрошу оказать мне большую услугу. Съезди в замок и возьми из секретера в моей спальне, в нашей спальне, кое-какие бумаги, крайне мне

необходимые. Я не могу поручить это какому-нибудь подчиненному или поверенному, потому что мне необходимо полное молчание и непроницаемая тайна. Сам же я ни за что на свете не войду в этот дом.

Я дам тебе ключ от этой комнаты — я сам запер ее, уезжая, — и ключ от секретера. Ты передашь от меня записку садовнику, и он пропустит тебя в замок…

Приезжай ко мне завтра утром, и мы поговорим об этом.

Я обещал оказать ему эту небольшую услугу. Для меня она была простой прогулкой, потому что имение его находилось от Руана приблизительно в пяти лье. Верхом я потратил бы на это не больше часа.

На другой день в десять часов утра я был у него. Мы завтракали вдвоем, но он не произнес и двадцати слов. Он извинился передо мной; по его словам, он был необычайно взволнован мыслью, что я попаду в ту комнату, где погибло его счастье. В самом деле, он казался необыкновенно возбужденным, чем-то озабоченным, как будто в душе его происходила тайная борьба.

Наконец он подробно объяснил, что я должен сделать. Все было очень просто. Мне предстояло взять две пачки писем и связку бумаг, запертых в верхнем правом ящике стола, от которого он дал ключ.

— Мне нечего просить тебя не читать их, — прибавил он.

Я почти оскорбился этими словами и ответил немного резко.

— Прости меня, я так страдаю! — пробормотал он и заплакал.

Я расстался с ним около часа дня и отправился исполнять поручение.

Погода была великолепная, и я поехал крупной рысью через луга, прислушиваясь к пению жаворонков и ритмичному постукиванию моей сабли о сапог.

Затем я въехал в лес и пустил лошадь шагом. Молодые ветви ласково касались моего лица. Иногда я ловил зубами зеленый листок и жадно жевал его в порыве той радости жизни, которая беспричинно наполняет нас шумным и непонятным счастьем, каким-то упоением жизненной силой.

Приблизившись к замку, я вытащил из кармана письмо к садовнику и с удивлением увидел,

что оно запечатано. Я был так изумлен и рассержен, что готов был вернуться, не исполнив поручения. Но решил, что проявлять подобную обидчивость было бы дурным тоном. К тому же мой друг был так расстроен, что мог запечатать письмо машинально.

Имение казалось брошенным уже лет двадцать. Развалившийся и сгнивший забор держался неизвестно как. Аллеи поросли травой; цветочных клумб и грядок совсем не было видно.

На шум, который я поднял, стуча ногой в ставень, из боковой двери вышел старик и, казалось, удивился, увидев меня. Я соскочил на землю и передал письмо. Он его прочел, вновь перечитал, перевернул на оборотную сторону, посмотрел на меня снизу вверх и, положив письмо в карман, спросил:

— Ну, так чего же вы желаете?

Я резко ответил:

— Вы должны это знать, если получили приказания от вашего хозяина. Я хочу войти в замок.

Казалось, он был сильно смущен. Он спросил:

— Значит, вы пойдете в ее… в ее спальню?

Я начинал терять терпение.

— Черт возьми! Уж не собираетесь ли вы учинить мне допрос?

— Нет… сударь… — пробормотал он. — Но… но комнату не открывали с тех пор… с тех пор… с самой смерти. Если вам угодно подождать меня пять минут, я… я пойду… посмотрю…

Я гневно прервал его:

— Что? Вы, кажется, смеетесь надо мной? Ведь вы не можете туда войти, если ключ у меня.

Он не знал, что еще сказать.

— В таком случае я покажу вам дорогу, сударь.

— Укажите мне лестницу и оставьте меня одного. Я найду дорогу и без вашей помощи.

— Но… однако… сударь…

На этот раз я окончательно взбесился.

— Вы замолчите или нет? Не то вам придется иметь дело со мной.

Я оттолкнул его и вошел в дом.

Сначала я миновал кухню, потом две маленькие комнатки, где жил этот человек с женой. Затем очутился в огромном вестибюле, поднялся по лестнице и увидел дверь, описанную моим другом.

Я без труда отпер ее и вошел.

В комнате было так темно, что в первую минуту я ничего не мог различить. Я остановился, охваченный запахом гнили и плесени, какой бывает в нежилых, покинутых помещениях, в мертвых

покоях. Потом мало-помалу глаза мои освоились с темнотой, и я довольно ясно увидел огромную комнату, находившуюся в полном беспорядке, с кроватью без простынь, но с матрацами и подушками, причем на одной из подушек осталась глубокая впадина, как будто от локтя или головы, словно недавно еще лежавшей на ней.

Кресла казались сдвинутыми с мест. Я заметил, что одна дверь, должно быть от стенного шкафа, была полуоткрыта.

Первым делом я подошел к окну и хотел отворить его, чтобы дать доступ свету. Но болты на ставнях до такой степени заржавели, что никак не поддавались.

Я попытался даже сбить их саблей, но безуспешно. Так как меня раздражали эти бесполезные усилия, а глаза мои в конце концов привыкли к полумраку, я отказался от попытки осветить комнату и направился к секретеру.

Я уселся в кресло, откинул крышку и открыл указанный мне ящик. Он был набит до краев. Нужны были только три пакета, и, зная их по описанию, я принялся за поиски.

Я напрягал зрение, стараясь разобрать надписи, как вдруг мне показалось, что я слышу или, вернее, чувствую за собой шорох. Сначала я не обратил на него внимания, думая, что это сквозной ветер шелестит какой-нибудь занавеской. Но через минуту новое, почти неуловимое движение вызвало во мне странное и неприятное чувство; легкая дрожь пробежала у меня по коже.

Было до того глупо волноваться, хотя бы и чуть-чуть, что я не стал даже оборачиваться,

стыдясь самого себя. В это время я отыскал вторую нужную мне пачку и нашел уже третью, как вдруг глубокий и тяжкий вздох за моим плечом заставил меня в ужасе отскочить метра на два от кресла. Я порывисто обернулся, схватившись рукою за эфес сабли, и, право, если бы я не нащупал ее сбоку, то бросился бы бежать, как трус.

Высокая женщина, вся в белом, неподвижно стояла за креслом, где я сидел за секунду перед тем, и смотрела на меня.

Я был так потрясен, что чуть не грохнулся навзничь! О! Никто не может понять этого ужасающего и тупого испуга, не испытав его на себе. Сердце замирает, тело становится мягким, как губка, и все внутри будто обрывается.

Я не верил в привидения, и что же? Я чуть не упал в обморок от мучительной суеверной боязни мертвецов; я перестрадал за эти несколько минут больше, чем за всю остальную жизнь, да, перестрадал в неодолимой тоске сверхъестественного ужаса.

Если бы она не заговорила, я, быть может, умер бы! Но она заговорила; она заговорила кротким и страдальческим голосом, вызывавшим трепет. Не посмею сказать, что я овладел собой и вновь получил способность рассуждать. Нет. Я

был совершенно ошеломлен и не сознавал, что я делаю.

Но моя внутренняя гордость — а также отчасти и гордость военная — заставила меня, почти помимо воли, сохранять достоинство. Я позировал перед самим собою и, вероятно, перед нею, кто бы она ни была — женщина или призрак. Во всем

этом я отдал себе отчет уже позже, потому что, уверяю вас, в ту минуту я ни о чем не думал. Мне было только страшно.

Она сказала:

— О, сударь, вы можете оказать мне большую услугу.

Я хотел ответить, но не в силах был произнести ни слова. Из горла моего вырвался какой-то неопределенный звук.

Она продолжала:

— Вы согласны? Вы можете спасти, исцелить меня. Я ужасно страдаю. Я страдаю все время, о, как я страдаю!

И она тихо опустилась в мое кресло. Она смотрела на меня.

— Вы согласны?

Я утвердительно кивнул головой, так как голос все еще не повиновался мне.

Тогда она протянула мне черепаховый гребень и прошептала:

— Причешите меня, о, причешите меня! Это меня излечит. Надо, чтобы меня причесали. Посмотрите на мою голову... Как я страдаю! Мои волосы причиняют мне такую боль!

Ее распущенные волосы, очень длинные и, как мне показалось, черные, свешивались через

спинку кресла и касались земли.

Зачем я это сделал? Почему, весь дрожа, я схватил гребень и взял в руки ее длинные волосы, вызвавшие во мне ощущение отвратительного холода, как будто я прикоснулся к змеям? Не могу объяснить.

Это ощущение так и осталось у меня в пальцах, и я вздрагиваю при одном воспоминании о нем.

Я ее причесал. Не знаю, как я убрал эти ледяные пряди волос. Я скручивал их, связывал в узел и снова развязывал, заплетал, как заплетают лошадиную гриву. Она вздыхала, наклоняла голову, казалась счастливой.

Вдруг она сказала мне: «Благодарю» — и, вырвав гребень из моих рук, убежала через ту полуоткрытую дверь, которую я заметил, войдя в комнату.

Оставшись один, я пробыл несколько секунд в оцепенении, будто проснулся от кошмарного сна. Наконец я пришел в себя. Я бросился к окну и бешеным ударом разбил ставню.

Волна света хлынула в комнату. Я подбежал к двери, за которой исчезло это существо, и увидел, что она заперта и не поддается.

Тогда меня охватила потребность бежать, тот панический страх, который бывает на войне. Я быстро схватил из открытого секретера три пачки писем, промчался через весь дом, прыгая по лестнице через несколько ступенек, и, не помню как, очутившись на воздухе, увидел в десяти шагах от себя свою лошадь. Одним прыжком я вскочил на нее и поскакал галопом.

Я остановился только в Руане, перед своей квартирой. Бросив повод денщику, я вбежал в свою

комнату и заперся в ней, чтобы прийти в себя.

Целый час с душевной тревогой я спрашивал себя, не был ли я жертвой галлюцинации. Конечно, со мной случилось то непонятное нервное потрясение, то помрачение рассудка, какими порождаются чудеса и сверхъестественные явления.

Я готов был уже поверить, что это была галлюцинация, обман чувств, но когда подошел к окну, взгляд мой случайно упал на грудь. Мой мундир весь был в длинных женских волосах, зацепившихся за пуговицы.

Один за другим я снял их и дрожащими пальцами выбросил за окно.

Потом я позвал денщика. Я чувствовал себя слишком взволнованным, слишком потрясенным, чтобы сразу отправиться к приятелю. Мне хотелось к тому же хорошенько обдумать, что ему сказать.

Я отослал ему письма, а он передал мне с солдатом расписку в их получении. Мой друг расспрашивал обо мне. Ему сказали, что я болен, что у меня солнечный удар и уж не знаю, что еще. Он, казалось, был обеспокоен.

Я отправился к нему на другой день рано утром, чуть рассвело, решив рассказать правду.

Оказалось, что накануне вечером он ушел и не возвращался.

Днем я вновь заходил к нему, но его все еще не было. Я прождал неделю. Он не появлялся. Тогда я заявил в полицию. Его искали всюду, но не могли найти никаких следов; нигде он не проезжал, нигде не появлялся.

В заброшенном замке был произведен тщательный обыск. Ничего подозрительного там не нашли.

Ничто не указывало, что там скрывалась какая-то женщина.

Так как следствие ни к чему не привело, все поиски были прекращены.

И в течение пятидесяти шести лет я так ничего больше и не узнал. Ничего!

Тик[2]

Медленно входили обедающие в большую залу отеля и занимали свои места за столом.

Прислуга начинала неторопливо разносить кушанье, чтобы дать время всем собраться и поприносить снова блюда для тех, кто опоздал. Давно приехавшие сюда купальщики, привычные посетители табльдота, с любопытством посматривали на отворявшиеся двери в надежде увидать новых посетителей. В этом заключается главное развлечение на всех курортах. Всегда с нетерпением ждут обеда, чтобы посмотреть на вновь приехавших и постараться угадать, что это за люди, чем они занимаются, о чем думают. В голове бродит мысль, не удастся ли познакомиться с интересными лицами, не сулит ли судьба приятную встречу, а может быть, увлечение и любовь.

---

[2] Примечания: 2

Новелла «Тик» вышла в Le Gaulois от 14 июля 1884 года и была перепечатана в еженедельнике L'Écho от 15 февраля 1891-го под рубрикой «История недели». При жизни Мопассана в сборники она не входила. Наш текст взят из Le Gaulois. Мопассан жил в Шательгийоне в 1883-м, затем в 1885 году. Вулканический пейзаж не переставал впечатлять его не только своей странностью, но и своим мрачным видом, который писателю представлялся почти потусторонним.

В этой вечной толкотне соседи, незнакомцы, приобретают очень важное значение. Любопытство возбуждено, симпатии ждут, и инстинкты общественности наготове.

Поэтому здесь возможны антипатии, зародившиеся в течение недели, и дружба после месячного знакомства.

На людей здесь смотрят с совершенно особой точки зрения, по законам специальной курортной оптики. После часовой беседы, вечерком, в тени деревьев парка, где журчит чудодейственный целебный источник, у своего собеседника открывается высокое умственное развитие и замечательные достоинства.

И не дальше как через месяц эти новые, пленившие в первые дни друзья бесследно исчезают из памяти. Впрочем, надо заметить, что там же скорее, чем где-либо, завязываются узы и серьезные, и прочные.

При ежедневном общении легче узнать друг друга, и к начинающейся привязанности примешивается нечто нежное и интимное, что обыкновенно является последствием только долгой связи. И потом долго дорожат воспоминанием об этих первых часах дружбы, воспоминаниями об этих первых беседах, где открывалась вся ду-

ша, о первых взорах, которые спрашивали о том, чего еще не решаются высказать уста, воспоминанием о первом дружеском доверии, о чудном порыве, заставляющем открыть свою душу тому, кто отвечает вам тем же.

И тоскливая скука курорта, и монотонное однообразие протекающих медленно дней способствуют тому, что эти новые привязанности с часу на час крепнут и пышнее расцветают.

* * *

Итак, в этот вечер, так же как и во все предыдущие, мы поджидали появления незнакомых лиц. Появилось их только двое; это были очень странного вида мужчина и женщина: отец и дочь. На меня они произвели сразу впечатление героев Эдгара По[3]. А между тем в них было что-то чарующее — печать, накладываемая на людей несчастьем. Они мне представлялись жертвами рока. Мужчина был очень высок и худ, слегка горбился; волосы его были совсем седые, даже слишком для его еще не старого лица.

---

[3] Примечания: 3

Упоминая По, Мопассан будто бы отдает ему должное: очевидно сходство между его рассказом и «Падением дома Ашеров».

Во всей фигуре и в манере себя держать было что-то серьезное, что-то строгое, что встречается иногда у протестантов. Дочери казалось лет двадцать пять, она была мала ростом и также очень худа, бледная, с усталым, измученным видом. Иногда встречаются такие люди, которые кажутся слишком слабыми для трудов и работ нашей жизни, слишком слабыми даже для того, чтобы двигаться, ходить — словом, делать то, что делают все. Однако она была хороша, эта девушка, с своей прозрачной красотой призрака. Ела она очень медленно, точно еле могла поднять руку с куском.

На воды они приехали несомненно для нее.

Они оказались за столом напротив меня, и я сейчас же заметил, что отец страдает очень странным нервным тиком.

Каждый раз, как он хотел достать какую-нибудь вещь, его рука описывала такой безумный зигзаг, точно желая что-то оттолкнуть, прежде чем достичь желаемого предмета. Через несколько минуть это движение меня настолько утомило, что я старался не смотреть в его сторону.

Я заметил также, что молодая девушка не сняла перчатки с левой руки.

После обеда я пошел прогуляться в парк. Это

было в Оверни, на маленькой станции Шатель-Гюйон, скрывавшейся в ущелье у подошвы высокой горы, горы, откуда и выбивались целебные горячие ключи, выходившие из глубины подземного очага древних вулканов. А там наверху, над нами, поднимали свои усеченные конусы вершины этих потухших кратеров, возвышаясь среди длинной линии горной цени. С Шатель-Гюйон начиналась горная страна.

В этот вечер было очень жарко. Я ходил по тенистой аллее, прислушиваясь с вершины холма, господствующего над парком, к музыке, начинавшейся в здании казино.

В эту минуту я увидал, что ко мне медленно приближаются отец и дочь. Я им поклонился, как всегда кланяются в курортах соседям по отелю. Отец сейчас же остановился и обратился ко мне с вопросом:

— Извините меня, сударь, за нескромность, но не можете ли вы указать нам на прогулку не особенно утомительную, но в то же время и интересную.

Я предложил им провести их в долину, где протекала небольшая речка. Эта долина была очень глубока и узка, совершенное ущелье между

скалистых и покрытых лесом вершин[4].

Они приняли мое предложение. Мы заговорили, конечно, о качестве целебных вод.

— О, моя дочь страдает какой-то странной болезнью, — заметил он, — причины которой никто не может объяснить. Она мучается совершенно непонятными нервными припадками. То думают, что у нее болезнь сердца, то болезнь печени, то страдание спинного мозга. Теперь всё приписывают желудку, очагу и регулятору всего организма, этому Протею разнообразнейших болезней и симптомов. Вот почему мы и явились сюда[5]. Но я думаю, что эго, скорее всего, нервы. Но что бы это ни было, во всяком случае это очень печально.

В эту минуту я вспомнил об его странном тике и спросил его:

— А что, это не наследственно? Не страдаете ли вы сами нервами?

Он отвечал очень спокойно:

— Я?.. Нет… у меня очень спокойные нервы.

---

[4] Примечания: 4

Луи Форестье замечает («Плеяда», 2-й том, с. 1374), что речь, вероятно, идет об ущелье Анваль.

[5] Примечания: 5

Шатель-Гюйон рекомендовали для лечения желудочных заболеваний.

Затем после минутного молчания он продолжал:

— А! Понимаю! Вы намекаете на спазм в моей руке, когда я хочу что-нибудь взять? Но это результат ужасного потрясения, испытанного мною. Представьте себе, моя дочь была заживо погребена!

Я не нашелся, что ему ответить, кроме возгласа удивления и сочувствия.

* * *

Он продолжал:

— Вот как это случилось. История очень простая. У Жюльеты были одно время серьезные сердечные припадки. Мы думали, что у нее болезнь сердца, и ожидали самого худшего. Однажды ее принесли холодную, безжизненную. Она упала в саду. Приглашенный врач констатировал смерть. Два дня и две ночи провел я у ее тела. Своими руками уложил я ее в гроб и проводил до кладбища, где ее останки были поставлены в наш семейный склеп. Это было в деревне в Лотарингии.

Я пожелал, чтобы она была похоронена в своих брильянтах, в браслетах, кольцах, ожерельях, словом во всех подарках, которые я ей делал, — и

в своем первом бальном платье.

Вы можете себе представить, в каком состоянии я вернулся с кладбища домой, каково было у меня на душе и на сердце… Ведь у меня кроме дочери никого не было, жену я схоронил уже давно. Я вошел в свою комнату измученный, обезумевший от горя, и упал на кресло, не имея сил не только двигаться, но даже мыслить. Я был в эту минуту не человеком, а живой машиной, но машиной с болезненной чувствительностью и отзывчивостью.

Мое сердце представляло одну зияющую рану. Мой старый слуга, Проспер, помогавший мне класть дочь в гроб и украшавший ее драгоценностями, вошел в комнату бесшумной походкой и спросил:

— Не скушаете ли вы чего-нибудь, сударь?

Я отрицательно покачал головой.

Он продолжал:

— Напрасно, сударь. Вам может сделаться дурно. Угодно вам, быть может, чтобы я уложил вас в постель?

Я проговорил:

— Нет. Оставь меня.

Он ушел.

Не знаю, сколько часов прошло после этого. О, какая ночь! Какая ночь! Было очень холодно. Огонь погас в моем камнине, а ветер, зимний ветер, холодный и бурный, с снежным вихрем, с тоскливой монотонностью стучал в мои окна.

Сколько прошло часов после этого? Не знаю. Я все еще продолжал бодрствовать, измученный, разбитый, с широко раскрытыми глазами, с вы-

тянутыми ногами, с разбитым безжизненным телом и с сердцем, замершим от отчаяния. Вдруг у дверей послышался звонок. Звонили у входной двери, и звук колокола раздался по всему дому. Я так вздрогнул, что подо мной заскрипело кресло. А густой звук медленно расходился могучей волной по пустому дому. Я повернулся, чтобы взглянуть на часы; было два часа пополуночи. Кто мог звонить в такую пору?

И вдруг снова раздался звонок, потом еще раз. Слуги, вероятно, боялись встать. Я взял зажженную свечу и спустился вниз. Дойдя до двери, я чуть было не спросил:

— Кто там?

Но мне стало стыдно за такое малодушие, и я медленно отодвинул засов. Сердце шибко билось в груди, мне было просто чего-то страшно. Затем я разом отворил дверь и увидал в темноте какую-то белую фигуру, что-то похожее на бледный призрак. Задыхаясь от ужаса, я отступил, бормоча:

— Кто это… Кто… Кто вы?

— Это я, папа… — отвечал мне слабый голос.

Это была моя дочь.

Конечно, я подумал, что схожу с ума, и начал отступать от этого приближающегося призрака, стараясь жестом руки оттолкнуть его от себя;

этот жест и остался у меня навсегда, он перешел в нервный тик.

Вдруг привидение заговорило:

— Не пугайся, папа, я ведь не умерла. У меня хотели украсть мои кольца, не могли снять их и отрезали палец; кровь потекла, и я пришла в себя, ожила.

В эту минуту я заметил, что она вся была залита кровью. Я опустился на колени, задыхаясь и рыдая, не будучи даже в состоянии понять, что случилось, не сознавая своего счастья, чувствуя и радость, и ужас. Наконец, немного опомнясь, я увлек мою бедную малютку в свою комнату, усадил ее на кресло и принялся неистово звонить Проспера, чтобы он затопил камин, дал вина, съездил за доктором.

Проспер вбежал, взглянул на мою дочь, с криком ужаса судорожно раскрыл рот и как сноп хлопнулся на спину мертвый.

Это он открыл склеп, отрезал палец моей дочери и, захватив драгоценности, ушел, даже не подумав запереть склеп или скрыть следы своего преступления. Он был уверен, что на него никогда не падет подозрение; он давно пользовался моим полным доверием. Видите, сударь, что мы с ней пережили.

Он замолчал.

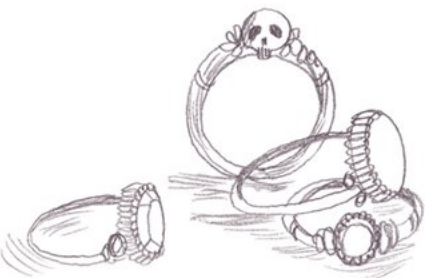
Наступившая ночь покрыла мраком печальное и тихое ущелье. И мной невольно овладел какой-то таинственный страх от соседства этих странных существ, этой воскресшей покойницы и ее отца с его диким, судорожным жестом. И я мог лишь тихо прошептать:

— Какой ужас!

А затем прибавил уже громче:

— А что, если мы вернемся?.. Становится свежо.

И мы пошли назад, к отелю.

Мертвая[6]

Я любил ее безумно! Почему мы любим? Разве так странно видеть во всем мире лишь одно существо, в уме хранить лишь одну мысль, в сердце — лишь одно желание, а на устах — лишь одно имя: имя, что беспрестанно поднимается, как родниковая вода, из глубин души, оставаясь на устах, и которое мы безостановочно произносим, повторяя повсюду шепотом, словно молитву.

Нашу историю я рассказывать не стану. У любви она всегда одна, всегда одинаковая. Я встретил и полюбил ее. Вот и все. И прожил год, кутаясь в ее нежность, в ее объятия и ласку, в ее взгляд, в ее платья и слова, очарованный, связанный, плененный всем, что от нее исходило, и так всеохватно, что я больше уже не понимал, ночь или день стоит на дворе, умер я или жив, на бренной земле или в мире ином.

И вот она умерла. Как это случилось? Не знаю, уже и не упомню.

Одним дождливым вечером она вернулась

---

[6] Примечания: 6

Эта новелла была сначала опубликована в газете «Жиль Блаз» от 31 мая 1887 под именем Ги де Мопассан, а затем в сборнике «Левая рука».

домой промокшей и на следующий день уже кашляла. Кашель продолжался примерно неделю, она слегла.

Что произошло? Уже и не упомню.

Приходили врачи, что-то выписывали, уходили. Приносили лекарства; была одна женщина, которая следила за тем, чтобы она их пила. Руки ее были сухи, лоб был влажным, горячечным, глаза блестели, взгляд был грустен. Я разговаривал с ней, и она мне отвечала. Что мы друг другу тогда говорили? Я уже и не упомню. Я все позабыл, все, все! Она умерла, и в памяти навсегда запечатлелся ее короткий вздох, этот ее короткий вздох, такой слабый, последний. Сиделка сказала: «Ах!» Я понял, понял!

Больше ничего я не запомнил. Ничего.

Пригласил священника, который произнес то самое слово: «Ваша любовница». Мне показалось, что он меня оскорбил. Никто не имел права знать об этом, ведь она была мертва. Я прогнал его. Пришел другой, он был очень добр и деликатен. Я заплакал, когда он со мной о ней заговорил.

Мне задавали множество вопросов о похоронах. Уже не помню каких. Однако прекрасно помню гроб, удары молотка, которым его заколотили. Боже мой!

Ее закопали! Закопали! Ее! В этой яме! Пришло несколько человек, какие-то подруги. Я сбежал. Буквально. Долго шагал по незнакомым улицам. Потом вернулся домой. И на следующий день уехал.

Вчера я вернулся в Париж.

Когда я вновь увидел свою комнату, нашу комнату, нашу постель, нашу мебель, — весь этот дом, в котором осталось все, что остается от жизни человеческого существа после смерти, — меня снова охватило такое сильное горе, что я чуть не открыл окно и не выбросился из него.

Не в состоянии более оставаться в окружении этих вещей, этих стен, в которых она была заточена и нашла последнее пристанище и которые еще, вероятно, хранили внутри своих невидимых глазу трещин тысячи ее атомов, частички ее плоти и ее дыхания, я взял шляпу и решил спасаться бегством. Уже у двери я внезапно обратил внимание на большое зеркало в прихожей: это она повесила его тут, чтобы каждый день, выходя из дому, видеть себя в полный рост, от ботинок до прически, убедиться, что наряд ей к лицу, хорошо сидит и мил.

Я остановился прямо перед этим зеркалом, которое часто отражало ее. Так часто, так часто,

что оно должно было сохранить и ее образ.

Я стоял там, трепеща, вглядываясь зеркало, зеркало плоское, глубокое, пустое, но которое когда-то заключало в себе всю ее сущность, безгранично владело ею, как и я, как и мой страстный взгляд. Мне показалось, что я начинаю любить это зеркало — я прикоснулся к нему — оно было холодным! О! Воспоминания! Воспоминания! Зеркало, причиняющее боль, обжигающее, живое, ужасное, заставляющее так мучиться! Счастливы те, чье сердце, как зеркало, в котором лишь отражаются и исчезают образы, забывает все, что прожило, все, что познало, все, что видело, к чему привязывалось и что любило! Я так страдаю!

Я вышел из дома и, против собственной воли, сам того не осознавая, не желая того, отправился на кладбище. Я нашел ее простенькую могилу, мраморный крест, на котором были начертаны следующие слова: «Она любила, была любима и умерла».

Она лежала тут, под землей, обреченная на гниение! Какой кошмар! Я рыдал, уткнувшись лбом в землю.

Так я лежал долго, очень долго. Очнувшись, я обнаружил, что стало вечереть. И тогда мной овладело странное желание, безумное желание любовника, потерявшего всякую надежду. Мне захотелось провести ночь с ней рядом, последнюю ночь, оплакивая ее. Но меня заметят, меня прогонят. Как же быть? Я задумал хитрость. Поднялся с земли и принялся бродить по этому городу исчезнувших душ. Ходил и ходил. Как же мал этот городок по сравнению с тем, в котором живут по-настоящему! При этом умерших намного больше, чем живых. Нам нужны высокие дома, улицы, столько места — всем четырем поколениям, которые существуют одновременно, пьют воду из источников, вино из виноградников и едят хлеб с полей.

А для всех поколений мертвых, для всех воз-

растов человечества, жившего до нас, нет почти ничего, почти ничего, кроме кусочка земли! Земля их забирает, и забвение стирает их след. Прощайте!

В конце кладбища я вдруг заметил заброшенные могилы — где прах мертвецов из прошлого в конце концов смешивается с землей, а над ними гниют кресты, и куда подхоронят новых покойников. На кладбище этом полно дикорастущих роз, мощных черных кипарисов: печальный и великолепный сад, питаемый плотью человеческой.

Я был один, совершенно один. Я укрылся в листве зеленевшего дерева. Целиком спрятался в его густых темных ветвях.

И стал ждать, вцепившись в ствол, словно жертва кораблекрушения, хватающаяся за обломок судна.

Когда наступила непроглядная ночь, я покинул свое укрытие и осторожно пошел, медленно, на цыпочках, по этой земле, полной мертвецов.

Так я блуждал долго, очень долго. Я не мог ее найти. Я шел, вытянув руки, с открытыми глазами, натыкаясь на надгробия руками, ногами, коленями, грудью и даже головой, но так и не мог ее отыскать. Я шел на ощупь, словно слепец, что прокладывает себе дорогу, я ощупывал камни, кресты, железные оградки, стеклянные венцы, увядшие цветочные венки! Я читал имена с помощью пальцев, прикасаясь к буквам. Ну и ночь! Ну и ночь! Я не мог ее найти!

Где же луна? Ну и ночь! Я был охвачен страхом, безумным страхом, продвигаясь вперед по узким тропинкам, лавируя между рядами могил. Могилы! Могилы! Могилы! Одни могилы! Справа, слева, передо мной, вокруг меня, везде одни могилы! Я присел на одну из них, потому что больше был не в силах шагать, так подгибались колени. Я слышал, как стучит мое сердце! И слышал еще нечто другое! Что же? Невнятные, невыразимые звуки!

Рождались ли они в моем обезумевшем от непроницаемой темноты разуме или шли из-под земли, таинственной земли, засеянной трупами

людей? Я постоянно озирался!

Сколько времени я тут пробыл? Не знаю. Меня парализовал ужас, меня трясло от страха, я был готов взвыть, я был готов умереть.

И вдруг мне показалось, что мраморная плита, на которой я сидел, шевелится. Она точно шевелилась, как будто ее приподнимали. Подскочив, я бросился на соседнюю могилу и увидел, да, я увидел, как плита, с которой я только что слез, начала подниматься и появился мертвец, оголенный скелет, что выталкивал камень согнутой спиной. Я видел это собственными глазами, я все очень хорошо различал, несмотря на глубокую ночь. Мне удалось разобрать надпись на кресте:

«Здесь покоится Жак Оливан, скончавшийся в возрасте пятидесяти одного года. Он любил родных, был честным и добрым человеком и почил с миром».

Мертвец тоже был занят чтением надписи на собственной могиле. Затем он подобрал с дорожки камень, небольшой острый камушек, и принялся усердно царапать им эту надпись. Он постепенно стер ее подчистую, осмотрел пустыми глазами место, где до этого была гравировка, и кончиком кости, которая когда-то была указательным пальцем, вывел светящимися буквами,

похожими на линии, которые чертят на стенах спичкой:

«Здесь покоится Жак Оливан, скончавшийся в возрасте пятидесяти одного года. Своим жестоким обращением он приблизил смерть отца, возжелав наследства его, мучил жену, изводил детей, обманывал соседей, воровал, когда мог, и умер в несчастии».

Закончив писать, мертвец застыл и принялся созерцать свое творение. И тут я обнаружил, оглядевшись вокруг, что все могилы были открыты, что все трупы вылезли наружу, что все они, словно желая восстановить справедливость, стерли лживые слова, которые по желанию родственников выгравировали на надгробиях.

Я видел, что все они были мучителями собственной родни, полными ненависти, бесчестными, лицемерными, лживыми, вероломными, клеветниками, завистниками, что они воровали, обманывали, совершали всяческие постыдные поступки, гнусные вещи, все эти примерные отцы, верные супруги, преданные сыновья, целомудренные дочери, честные торговцы, все эти мужчины и женщины с якобы безупречной репутацией.

Стоя на пороге своих вечных пристанищ, все

они одновременно занимались начертанием жестокой, ужасной и истинной правды, которую никто на земле не знает или делает вид, что не ведает.

Я подумал, что и она тоже, вероятно, написала правду на своей могиле. И вот уже я без страха бежал вдоль приоткрытых гробов, окруженный трупами, окруженный скелетами, — к ней, в уверенности, что вскоре найду ее.

Я узнал ее издалека, даже не видя ее лица, скрытого саваном.

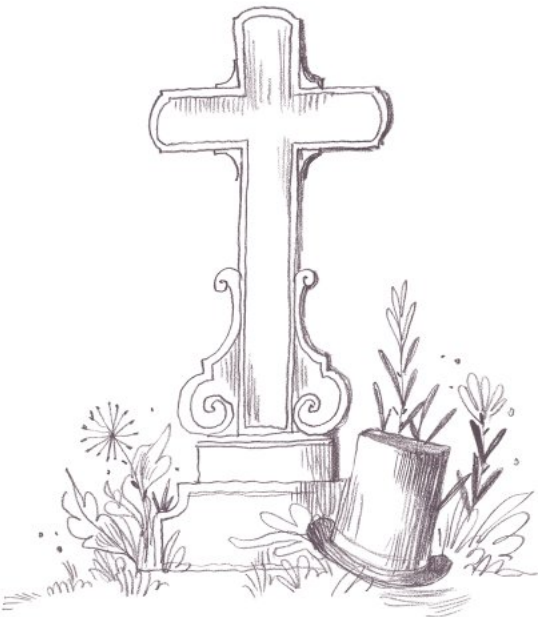
И на мраморном кресте, где до этого было начертано: «Она любила, была любима и умерла», я прочел:

«Однажды она вышла из дома, чтобы изменить своему любовнику, простудилась под дождем и умерла».

Кажется, на рассвете меня, не подающего признаков жизни, подобрали около одной из могил.

Биографии и библиографии

Брату и сестрам, которых я с таким удовольствием мучила своими историями о привидениях.
Спасибо Оливье и Камийэлвис за ценные советы относительно фотографий, а также Барбаре, Клотильде и Аделине за то, что предоставили мне возможность сделать иллюстрации к произведениям автора, творчество которого вызывает у меня восхищение.

Камий Гарош

Ги де Мопассан

Анри-Рене-Альбер-Ги де Мопассан — французский писатель. Его отец, Гюстав де Мопассан, в 1846 году женился на Лоре Ле Пуатвен, которая прекрасно разбиралась в литературе. В 1860 году после развода с мужем она покидает Лотарингию, взяв с собой своих двоих сыновей, и переселяется в Этрета. Детство Ги де Мопассана было счастливым: жизнь в деревне и поездки на море. В Руанском лицее он встречает Гюстава Флобера и поступает к нему в литературное ученичество. В 1875 году выходит первая повесть Мопассана, «Рука трупа», а затем новелла «На реке», обе под псевдонимами. Он пишет стихи, короткие пьесы, а также статьи для различных журналов. В 1879 году публикует свое первое произведение, «В старые годы». С 1880 по 1890 год он публикует шесть романов, более трех сотен новелл и несколько путевых заметок, среди которых его первая новелла, «Пышка», которую Флобер назвал шедевром, а в 1883 году — свой первый роман, «Жизнь». Три года спустя Мопассан пишет роман, который некоторые критики считают самым удачным из его произведений, «Пьер и Жан». В течение

последних лет жизни он страдает от паранойи, вероятно наследственной и отягощенной сифилисом, которым он заразился в 1877 году. В ночь с 1 на 2 января 1892 года он совершает попытку самоубийства, а затем умирает от общего паралича. Похоронен на кладбище Монпарнас в Париже.

Некоторые тексты Мопассана опубликованы под псевдонимами:

•Жозеф Прюнье (его первая повесть, «Рука трупа», 1875 г.);

• Ги де Вальмон для Гюстава Флобера (с 1876 по 1878 г.);

• Шодрон-дю-дьябль[7], которым он подписывался под хроникой «Этрета» в журнале «Ле Голуа» (20 августа 1880 г.);

• Мофринез, которым он подписывал некоторые хроники и новеллы, в том числе «Письмо сумасшедшего» в «Жиле Бласе», когда работал для «Ле Голуа». Данный псевдоним отсылает к персонажу Дианы де Мофриньёз из «Человеческой комедии» Бальзака (с 1881 по 1885 г.).

РОМАНЫ

- «Жизнь» (1883 г.)
- «Милый друг» (1885 г.)
- «Пьер и Жан» (1887 г.)
- «Монт-Ориоль» (1887 г.)
- «Сильна как смерть» (1889 г.)
- «Наше сердце» (1890 г.)

---

[7] Примечания: 7
Переводится как «Котлы дьявола».

НОВЕЛЛЫ

• «Дом Телье» (1881 г.)
• «Мадемуазель Фифи» (1882 г.)
• «Рассказы Бекаса» (1883 г.)
• «Лунный свет» (1883 г.)
• «Койка номер 29» (1884 г.)
• «Мисс Харриет» (1884 г.)
• «Сестры Рондоли» (1884 г.)
• «Иветта» (1884 г.)
• «Сказки дня и ночи» (1885 г.)
• «Туан» (1885 г.)
• «Господин Паран» (1886 г.)
• «Маленькая Рок» (1886 г.)
«Орля» (1887 г.)
«Избранник г-жи Гуссон» (1888 г.)
• «Левая рука» (1889 г.)
• «Ненужная красота» (1890 г.)
Посмертные публикации
• «Дядюшка Милон» (1899 г.)
• «Разносчик» (1900 г.)

ДРАМАТУРГИЯ

• «В старые годы» (1879 г.)
• «Репетиция» (1880 г.)

• «Мюзот» (1891 г.)

Посмертные публикации

• «Семейный мир» (1893 г.)

• «Лепесток розы, или Турецкий дом» (1945 г.)

ПОЭТИЧЕСКОЕ ТВОРЧЕСТВО

• «Стихотворения» (1880 г.)

Посмертные публикации

• «Стихотворения и прочие поэтические сочинения» (2001 г.)

ПУТЕВЫЕ ЗАМЕТКИ

• «Под солнцем» (1884 г.)

• «На воде» (1888 г.)

• «Бродячая жизнь» (1890 г.)

Посмертные публикации

• «Фрагменты путешествий» (2014 г.)

Счастливое детство Камий Гарош прошло в южно-восточном регионе Франции. После школы она идет учиться графическому искусству в ENSAPC (Высшая национальная художественная школа Париж-Сержи) и в Школу Мариз Элуа в Париже (2001–2005 гг.).

После сотрудничества с домом Hermès Камий Гарош решает посвятить себя иллюстрированию.

На сегодняшний день в ее активе более тридцати книг, среди которых Fox's garden и «Снежный кролик». Она регулярно выставляет свои работы в галереях и медиатеках во Франции и за границей. «Три истории с привидениями» — первая иллюстрированная книга для взрослых и подростков, благодаря которой Камий Гарош возвращается к увлечениям молодости, к тем временам, когда она сама придумывала страшные истории о сверхъестественном и читала их вслух родным и двоюродным братьям и сестрам.

Камий Гарош

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЕ КНИГИ

2019

• «Бунт» (тексты Камий Гарош и Дидье Женевуа), издательство Casterman.

• Pillowland (тексты Лори Беркнер), издательство Simon & Schuster (США).

2018

• «Моя чудесная рождественская елка», издательство Casterman.

2017

• «Следуйте за гидом! Прогулка по району» (тексты Камий Гарош и Дидье Женевуа), издательство Casterman.

2016

• «Снежный кролик» (рассказ Камий Гарош и Дидье Женевуа), издательство Casterman. Первое издание книги вышло в Enchanted Lion Books под названием The Snow rabbit.

2015

• «Ожившая история одежды» (тексты Анн-Софи Бауманн), издательство Tourbillon.

• Fox's garden, коллекция «Метаморфозы», издательство Soleil.

• «Следуйте за гидом! Прогулка по саду» (тексты Камий Гарош и Дидье Женевуа), издательство

Casterman.

2014

• «Козочка господина Сегена» (тексты Альфонса Доде), коллекция «Дядюшка Бобер», издательство Flammarion.

2013

• «Габриэль и Габриэль» (тексты Полин Альфен), издательство Hachette.

• «Дерево наоборот» (тексты Полин Альфен), издательство Hachette.

• «Все семьи» (тексты Одри Гийе), коллекция «Мои вопросики», издательство Milan.

• «Сад Клары» (тексты Сандры Нельсон), издательство Flammarion.

2012

• «Облачный полет» (тексты Жака Пимпано), издательство Picquier Jeunesse.

• «Семейный альбом» (тексты Фредерика Кесслера), издательство Autrement.

• «Я танцую в Опере» (тексты Изабеллы Калабр), издательство Parigramme.

• «Мари путешествует по Франции (тексты Изабеллы Пеллегрини), издательство ABC Melody.

• «Эмма принимает ванну» (тексты Сандры Нельсон), издательство Flammarion.

2011

• «Спящая красавица» (тексты братьев Гримм), коллекция «Классика дядюшки Бобра», издательство Flammarion.

• «Русалки и волшебные существа» (тексты Анн-Софи Бауманн), издательство Nathan.

2010

• «Рыцари и принцессы» (тексты Гудуль), издательство Lito.

• «Золушка» (тексты Аньес де Лестрад), издательство Milan.

• «Мияко из Токио» (тексты Михо Ямада), издательство ABC Melody.

• «Любовь и дети» (тексты Паскаль Хеделин), коллекция «Мои вопросики», издательство Milan.

• «Друзья в домике» (тексты Давида Маршана и Гийома Прево), издательство Milan Poche.

• «Мари из Парижа» (тексты Изабель Пеллегрини), издательство ABC Melody.

• «Где мой кот?», издательство ABC Melody.

2009

• «Рапунцель», коллекция *Minicontes classiques*, издательство Lito.

2008

• «Господин Пан» (тексты Крессмана Тэйлора), издательство Autrement.

• «Мадемуазель Котон» (тексты Элизы Пиош), коллекция «История без слов», издательство Autrement.

ВЫСТАВКИ

2019

• Коллективная выставка «Фабрика сказок» в Музее этнографии, Женева. Иллюстрации на вырезанной бумаге для двух сказок, «Волчица и луна» и «Веретено, челнок и игла», написанных Фабрисом Мелькио, директором театра Am Stram Gram.

2017 — наст. время

• Персональная выставка по книгам Fox's garden и «Снежный кролик» во французских медиатеках.

В ателье Камий

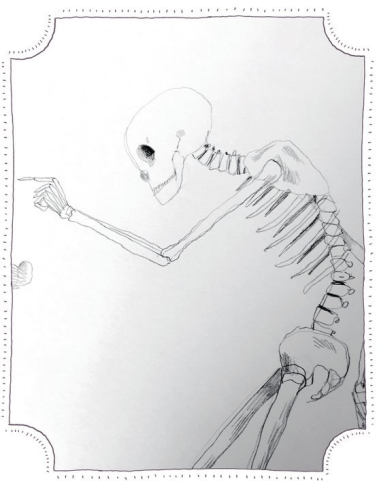

1. Эскизы

для подготовки к работе
я часто использую компьютер

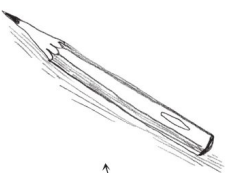

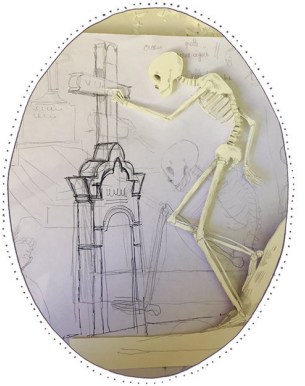

2. Рисунок

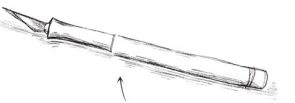
я рисую как простым,
так и цветными карандашами

↑
остро заточенный
простой карандаш

канцелярский нож-скальпель
(макетный нож)

3. Вырезание

я использую
точно режущее лезвие

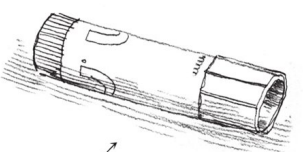

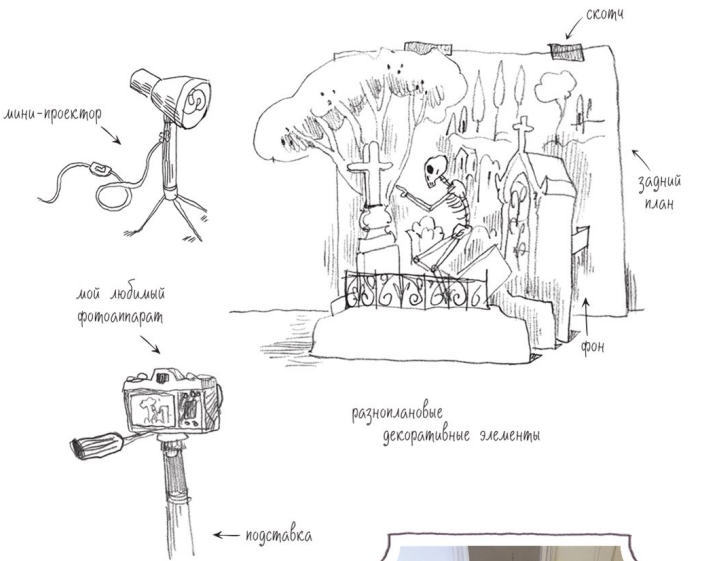
некоторые предметы я создаю в 3D

4. Коллаж и монтаж

я склеиваю, собираю, разбираю, все начинаю снова

5. Расположение элементов и съемка

я располагаю элементы один перед другим для создания орнамента, затем располагаю персонажей, как на сцене маленького театра

